

А. В. Кузьмин¹

СУВЕРЕНИЗАЦИЯ ПРАВА КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Современное геополитическое мироустройство характеризуется тем, что, формируя устойчивое межгосударственное экономическое пространство с едиными принципами функционирования, политические акторы неизбежно сталкиваются с рядом противоречий экономического, политического и идеологического характера. Противоречия экономического характера состоят главным образом в неясности принципов распределения экономических выгод между государствами-участниками; политического — в необходимости учитывать разновекторное развитие как отдельных государств-участников, так и системообразующих организаций — например, ЕС, НАТО, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и др.; идеологического — в принципиальном несовпадении нравственно-ценностных и культурных ориентаций. Процессы формирования полицентричного миропорядка вполне естественно предопределяют стремление государств, выступающих сторонниками однополярного мира, подчинить своему политическому, экономическому, социально-культурному влиянию как можно больше стран современного мира и тем самым устранить угрозу гегемонии коллективного Запада во главе с США. Одним из элементов такого стремления выступает требование подчинить национальное право наднациональным правилам и стандартам.

В связи с этим ключевым фактором, определяющим сущность геополитической децентрализации современного общества, выступает определение объема суверенитета ключевых (taxi-суверенов) государств-участников, а также обязательств (и соответствующих зависимостей) этих taxi-суверенов перед опять же ключевыми (super-суверенами) внешнеорганизационными партнерами и покровителями (для ЕС — США и НАТО). Например, центр силы ЕС находится

за пределами этой организации — в США как super-суверене, имеющем финансово-экономические и военно-политические возможности регулировать реализацию квазисуверенных полномочий taxi-суверенами. А, например, все центры силы ЕАЭС находятся, в отличие от ЕС, внутри самой организации.

В настоящее время существует широкий спектр научных точек зрения на теорию государственного суверенитета и тем более практику его реализации: от допустимости существования государства вообще без суверенитета до признания за суверенитетом качества Абсолюта. При этом идея ограниченного суверенитета делает претензии государства на уникальность национального законодательства бессмысленными, а концепция абсолютного суверенитета противоречит основам международного права.

В связи с этим наиболее продуктивной представляется концепция эластичного суверенитета, происходящая из понимания того, что суверенитет всегда ограничен какими-то факторами — внутренними или внешними. Суть ее в том, что суверенное в своей основе государство может передавать свой суверенитет, в том числе и в части конституирования базовых ценностей, устанавливая при этом усложненную процедуру согласия на изъятие собственного суверенитета и упрощенную — на его восстановление. Концепция эластичного суверенитета позволяет органично встроить суверенитет в систему признаков государства. При этом определяющим является наличие в структуре суверенитета возможности возврата (восстановления) переданных полномочий.

Необходимо отметить, что чаще всего полная утрата государственного суверенитета легализуется через следование воле международной организации или иностранного государства, формально представляющее законным и самостоятельным, а фактически являющееся проявлением ортодоксального упорства и слабо объяснимое логически. При этом фактическая утрата суверенитета формально представляется его укреплением, наиболее характерным примером чего является продление «без обсуждения» санкций, введенных Евросоюзом в отношении граждан и юридических лиц РФ.

Необходимо понимать, что государственный суверенитет означает не только фактическую способность государства независимо и самостоятельно осу-

¹ Заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Теоретико-правовые и отраслевые основы механизма правосознания», «Юридическая деятельность: проблемы единства позитивистского и естественно-правового начал», «Формирование права: нематериальные факторы»; статей «Форм-факторы международного права как основание следования национальным интересам», «Государства de facto: внутреннее законодательство о международном праве и внешних сношениях», «Приватизация права правоприменения: по мотивам дискуссионной секции VII Петербургского международного юридического форума» и др.

ществлять свои функции, действовать в собственных интересах, но и наличие легального и легитимного обоснования реальной суверенности в государственной деятельности. Важным фактором здесь выступает правовой суверенитет, формируемый в результате соответствующего процесса — суверенизации права. Такой процесс представляет собой две едионаправленные, но имеющие обособленное содержание и условия реализации процедурные подсистемы обеспечения приоритета государственного интереса. Первая подсистема обеспечивает верховенство государственного интереса над интересом внешнего актора (чаще всего — международной организации или иностранного государства). Вторая подсистема обеспечивает приоритет государственного интереса над интересом частных (негосударственных) субъектов, аффилированных с этим государством. Наивысший уровень приоритета государственного интереса фактически и означает достижение целей суверенизации права.

В контексте данного доклада интерес представляет первая подсистема, характеризующаяся юридическим и организационным обеспечением приоритета норм национального законодательства над различного рода нормами наднациональных регуляторов. Одним из примеров выражения общего правового регулирования процесса суверенизации права может служить внесение в 2020 году изменений и дополнений в Конституцию Российской Федерации, окончательно сформировавших концепцию приоритета национального права над международным. Примером нормативного противодействия внешним угрозам могут служить указы Президента РФ, изданные с 24 февраля 2022 года: они формируют контрсанкционный правовой режим договорных отношений с контрагентами, являющимися резидентами недружественных стран. Эти указы выступают следствием введенных в отношении России экономических санкций.

Суверенизация права, итогом которой является суверенность права или юридический суверенитет, способна обеспечить полную юридическую ничтожность норм, обладающих формальной легальностью для ряда субъектов права. Например, акторы международных отношений осуществляют юридическую интервенцию на правовую систему РФ посредством принятия формально не обязывающих, но допускающих легитимизацию (для отдельных международных организаций или иностранных государств) антироссийских экономических механизмов. Например, Резолюция «Содействие осуществлению правовой защиты и обеспечению возмещения ущерба в связи с агрессией против Украины»,

принятая 7 ноября 2022 года Генеральной Ассамблеей ООН, не является юридически обязывающим (легальным) документом, но порождает эффект легитимации для последующих решений в сфере национального права недружественных государств, ограничивающих права и законные интересы РФ.

Можно привести в качестве примера и акты международных организаций, членом которых Россия не является (в частности, НАТО, Совета Европы, Европейского союза). Акты этих организаций не способны породить формально-юридические последствия для РФ, но выступают легальным основанием для государств-членов таких организаций ввести очередные антироссийские меры.

Еще одним примером правовой интервенции, купирующей суверенизацию права, выступает экстерриториальность иностранного права, декларируемая и формализуемая, но не носящая общеобязательного характера. Например, 13 марта 2022 года власти США опубликовали список товаров, которые будут запрещены к ввозу в Россию из США, что деформировало систему сложившихся договорных отношений и повлекло прекращение множества уже заключенных коммерческих контрактов.

Ценность суверенизации права заключается и в возможности противодействия выводу национального регулирования из сферы правовой определенности, когда общественные отношения, существующие в государстве, ставятся в зависимость от решений, принимаемых вне территории государства, хотя бы и с предварительного превентивного согласия этого государства на такое применение. Причем обострить ситуацию может наличие у органа международной организации возможности принять решение без участия государства, которое вынуждено будет использовать данные правила вопреки собственной воле, а также своим политическим и экономическим интересам. Отметим, что диффузия наднационального и национального законодательства вносит определенный диссонанс в теоретическую модель системы источников права современных государств, хотя с практической точки зрения не является чем-то исключительным.

Таким образом, основной эффект состояния суверенности права состоит в способности органов государственной власти суверенного государства, ориентируясь на национальные ценности, легально и легитимно противодействовать юридической интервенции, осуществляемой с использованием юридических и псевдоюридических средств акторами межгосударственных отношений и иностранными государствами.